

Харузин Алексей Николаевич

Степные очерки

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А47

А47 **Алексей Николаевич Х.**
Степные очерки / Харузин Алексей Николаевич – М.: Книга по Требованию, 2024. –
210 с.

ISBN 978-5-521-28898-4

ISBN 978-5-521-28898-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

VII.

На дельтѣ Волги.

Низовья Волги.—Астрахань.—Жизнь въ Астрахани.—
 Нравы и типы Астрахани.—Отплытіе къ морю.—Малень-
 кая непріятность.—Ночлегъ на рѣкѣ.—Черепаха.—Даль-
 нѣйшій путь.—Каспій.—На берегу у Киргизовъ.—Охо-
 та на пеликановъ.—Кочевье калмыковъ.—Тинакскія ле-
 чебныя грязи.—Домой. 170

Оглавленіе

фототипныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ Шереромъ и Набгольцомъ
 съ фотографіи А. Харузина.

Молодая киргизка и киргизъ-старикъ	къ	21
Двѣ киргизки на верблюдѣ	"	40
Киргизская зимовка	"	50
Балка въ степи.	"	65
Типы киргизокъ	"	72
Киргизскій аулъ	"	94
Простая кибитка	"	106
Типы киргизовъ	"	120
Переѣздъ черезъ степь	"	128
Типы киргизовъ	"	137
Богатая кибитка	"	143
Соляная стѣна	"	165
На дельтѣ Волги	"	184

I.

Столица песковъ.

Волга.—Владиміровка.—Буддистъ.—Станція.—Въ степи.—Пески.—Пріѣздъ въ Ханскую Ставку.—Исторія Букеевской орды.—Букеевская орда.—Столица песковъ.—Жизнь въ Ставкѣ.—Ночь въ Ставкѣ.—Избіеніе собакъ.—Тюрьма.—Арестанты.

... Громадная масса воды—то широкими волнами перекачивается она, то тихо, но съ страшной силой течетъ среди равнинъ. Разливъ еще не кончился въ низовьяхъ Волги, еще затоплены большая часть береговъ и острова; мели исчезли; тамъ, гдѣ былъ яръ, теперь онъ не виденъ. Волга разлилась въ ширь, по плоской равнинѣ: вода мутная, желто-бурая; тутъ и тамъ изъ подъ воды торчатъ одинокія деревья, мѣстами даже цѣлыя рощи; корни деревьевъ подмываются и массами смываются они; цѣлыя глыбы глинистой почвы отрываются и уносятся могучимъ потокомъ. Берега получаютъ новый рельефъ; срываются острова, образуются новые; громадная масса илу и песку уносятся внизъ до моря и отлагаются тамъ: образуются мели, острова, и море Каспійское все больше и больше уступаетъ

мѣсто Волгѣ, а дельта ея, и безъ того дѣлящаяся на сотни рукавовъ, дробится еще и еще больше и, незамѣтно превратившаяся сама въ море воды, сливается съ моремъ соленымъ въ одно

*

Но вотъ, отошли въ даль крутые берега, уже давно скрылись лѣса и луга—потянулась справа и слѣва степь

Вдвое сильнѣе зашумѣли колеса нашего парохода; онъ повернулся, грузно ударился о деревянную крышу пристани брошенный „легкой“; на пристани раздались крики:

„Лови, держи, притягивай!“

Навалился пароходъ на пловучую пристань, *) она покачнулась, покачнулся пароходъ, еще раза два ударилъ колесами,—и мы стали.

Мы были у пристани Владиміровки **); въ нѣсколькихъ верстахъ отъ нея находится Владиміровка — деревня, уже издали видная—съ массою вѣтряныхъ мельницъ.

Мужикъ въ потертомъ армячкѣ, стоя у своей телѣги, вызвался свезти насъ на почтовую станцію въ деревню. Утромъ былъ дождь, — и безъ того плохая дорога, стала еще хуже; колеса глубоко

*) Чтобы пристани во время разлива Волги не затоплялись, дѣлаются онѣ пловучими и способными подыматься и опускаться, соотвѣтственно поднятію и опаденію уровня воды.

**) Лежитъ немного выше Чернаго Яра на Волгѣ.

врѣзывались въ глинистую почву, и намъ невольно приходилось соблюдать равновѣсіе, чтобы не упасть.

Мы переѣхали Ахтубу, и вотъ потянулась ровная степь. Несмотря на недавній дождь, она имѣла жалкій, пересохшій видъ. Ежеминутно, чуть ли не изъ подъ колесъ, бросались стремглавъ суслики; они какъ-то опрометью отскакивали въ сторону и бросались внизъ головой въ свои норки.

— „Эка, у насъ ихъ развелось, — страсть!“ — замѣтилъ нашъ мужикъ, — „собирались извести ихъ, да живучи и ужъ больно проворны, каналы, всѣхъ не изведешь“.

Между тѣмъ, сталъ накрапывать дождь и, минутъ черезъ 10, значительно усилился.

— „Вамъ бы, господа, обождать дождичекъ, а то вѣдь промокнете, до деревни-то версты еще 3 будетъ, а лошаденка-то у меня плохенькая, когда еще дотащить!“

Въ сторонѣ стоялъ домикъ; мы подъѣхали къ нему; радушно принялъ насъ хозяинъ, мѣстный врачъ, и ввелъ въ горницу.

Онъ былъ калмыкъ, типичный калмыкъ: смуглое лицо, черные волосы; широкая переносица была какъ бы вдавлена; онъ былъ изъ образованныхъ калмыковъ и носилъ европейское платье.

— „Присядьте, господа“, — сказалъ онъ намъ, когда мы вошли въ горницу.

„Вы откуда, куда ѣдете, — на долго?“ — переходя съ одного вопроса на другой, спрашивалъ онъ.

И, узнавъ онъ насъ, что мы ѣдемъ въ Киргизскую степь, добавилъ:

„Такъ вы, значить, къ киргизамъ, вотъ я вамъ сейчасъ покажу хорошаго киргиза“. — „Аймембетъ“!—крикнулъ онъ, подойдя къ двери.

Въ комнату вошелъ человѣкъ невысокаго роста; онъ имѣлъ апатичный видъ, желтый цвѣтъ лица; длинные, черные, тонкіе усы спускались вдоль рта внизъ; борода рѣдкая, черная. Лицо его, казалось, никогда не оживлялось улыбкой.

— „Дай намъ чаю“,—сказалъ ему хозяинъ.

Киргизъ приподнялъ верхнюю губу, какъ будто собираясь что-то сказать, но она опять опустилась; онъ моргнулъ, и, медленно повернувшись, вышелъ вонъ.

— „Смышленный малый“,--замѣтилъ хозяинъ послѣ ухода киргиза;—„только магометанинъ; они всѣ какъ татары. Нѣтъ, магометанская вѣра мнѣ не нравится: какъ можно вѣрить въ Магомета, въ магометанскій рай? По моему двѣ вѣры и есть, къ которымъ можно принадлежать: христіанство и буддизмъ“.

Онъ сталъ говорить о величіи буддійской религіи.

— „Конечно, только необразованный можетъ вѣрить въ различные молитвенные барабаны, въ боговъ и тому подобное, но это не есть настоящій буддизмъ; настоящій буддизмъ есть великая идея, и очень похожъ на христіанство. Христось и

Будда говорятъ собственно одно и то-же—о любви къ ближнимъ, о смирении, о кротости. Я очень уважаю учение Христа, и, хотя я и буддистъ и ярый буддистъ, но Евангеліе у меня всегда подъ рукой“. Онъ показалъ на маленькое Евангеліе, лежавшее на столѣ.

Чего ты, матушка Русь, не вмѣщаешь въ себѣ! и буддизмъ, и магометанство, и православіе, сотни народностей, сотни мѣстныхъ обычаевъ, тысячи разныхъ мыслей и идей—и все это рядомъ одно съ другимъ, все это уживается безъ ненависти, сливаясь стройно въ одно цѣлое. Взглянешь на карту: разнородными цвѣтами окрашена Русь, но еще раснороднѣе, еще болѣе чуждо другъ-другу то, что вмѣщаетъ она въ дѣйствительности, составляя при томъ одно неразрывное цѣлое.

Дождь прошелъ и мы собрались ѣхать въ деревню.

— „Будете проѣзжать вторично, не забудьте захватить ко мнѣ“,—крикнулъ намъ любезно хозяинъ.....

— „Въ эту пору-то дождичекъ ничего, даже хорошо, а то у насъ ужъ больно жарко, такъ иной разъ запалить солнце, что не знаешь, куда и дѣться“,—говоритъ намъ нашъ мужичекъ, подергивая возжами и подгоняя слегка кнутомъ лошадь.

— „Вонъ они опять послѣ дожда пошли“,—добавилъ онъ, показывая на бѣжавшаго суслика.

Дѣйствительно, съ проясненіемъ погоды, суслики вновь оживились, бѣгали и скакали по степи, доро-

жа золотымъ временемъ и спѣша еще до захода солнца натаскать себѣ въ нору корма.

На почтовой станціи встрѣтила насъ хозяйка.

— „Можетъ, чаю напьетесь, а то и ночуете у насъ; что вамъ спѣшить, вона солнце-то какъ низко“,—говорила она пріятнымъ голосомъ.

Но мы оставаться не хотѣли: мы были рады, что выбрались наконецъ изъ города, и стремились по-дальше отъ всего, что намъ могло напоминать о немъ.

А Владиміровка совсѣмъ не привлекательна; дѣйствительно, большая деревня съ сѣрыми домами; пыльная или грязная улица—все тоже, все тоже.

А впереди насъ степь; она словно манила, словно звала насъ къ себѣ. Мы дѣйствительно спѣшили увидаться съ нею глазъ на глазъ, словно намъ суждено было пробыть въ ней лишь мигъ одинъ.

Ямщики торопились запречь лошадей. Къ намъ подошелъ хозяинъ, толстый мужикъ съ окладистой черной бородой, съ добродушнымъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, энергичнымъ лицомъ.

— „Ну-съ, теперь сейчасъ будетъ тройка готова“.—Замѣтилъ онъ.—„Деньги здѣсь заплатите? у насъ полагается за всю дорогу сразу“—добавилъ онъ, немного погодя...

Не прошло и 20 минутъ, какъ мы были уже среди степи, оставивъ позади Владиміровку.

Солнце было уже низко; слегка вечерѣло; суслики стали встрѣчаться рѣже. Передъ нами раз-

вернулась чудная степь, безмолвная въ своей простой красотѣ. Владиміровка уже скрылась совсѣмъ изъ виду. Мы, какъ корабль, среди безбрежнаго, зеркальнаго моря, ѣхали въ нашей повозкѣ среди ровной и тихой степи. Ей, казалось, не будетъ конца. Воздухъ, послѣ дождя, былъ особенно чистъ и пріятенъ; мягко ласкалъ онъ лицо; только изрѣдка наплывали струи холоднаго вѣтра—отголоски дальняго сѣвера и остатки уступившей зимы. Голубымъ туманомъ была затянута даль: тѣмъ пріятельнѣе, тѣмъ заманчивѣе казалась она; будто сокровища, будто сокровенныя тайны хранила она за собой, и хотѣлось мчаться, вѣчно мчаться впередъ безъ оглядки, безъ усталы, куда-то далеко, далеко...

Изрѣдка попадались намъ орлы; они величаво сидѣли на столбахъ телеграфа; не глядя на насъ, показывали они свои рѣзкіе профили и, какъ будто, не обращали на насъ вниманія; но стоило только приблизиться къ нимъ на нѣсколько саженой, какъ они, сначала присѣвъ и вытянувъ шею, взмахивали крыльями и низко, низко перелетали дорогу.

Хотя не поздно, но было уже темно, когда мы подѣхали къ воротамъ станціи; ихъ отворила женщина. Держа фонарь высоко надъ головой, она, щурясь и моргая, глядѣла на насъ.

Мы рѣшили ночевать здѣсь, чтобы на слѣдующій день рано утромъ ѣхать дальше.

Въ низкой и тѣсной комнатѣ, съ вымазанными глиною стѣнами, пахло сыростью и было душно;

слѣлалось еще душиѣе, когда принесли намъ самоваръ.

Я вышелъ въ степь; она уже спала.

Небесный сводъ, темно-синій, почти черный, былъ усыянъ звѣздами; близко отъ горизонта виднѣлся узкій серпъ мѣсяца, проливавшій слабый, зеленоватый свѣтъ на степь. Она спала; легкій, ароматичный воздухъ парилъ надъ ней; откуда-то изъ недостижимой дали доносились легкіе звуки: они то медленно замирали, то, слегка звеня, тихо, тихо раздавались вновь; было что-то таинственное, непонятное среди этой тиши, среди этого полумрака, — чувствовалось словно чье-то невидимое присутствіе. Изрѣдка легкими волнами надвигались потоки воздуха, тоже медленно, словно сонные, словно нехотя, проносясь по этой сонной равнинѣ...

*

Солнце еще не взошло, когда мы съ товарищемъ были уже на ногахъ; наскоро напившись чаю, вышли мы въ ожиданіи лошадей въ степь.

Все, что казалось наканунѣ, во мракѣ, таинственнымъ, лежало передъ нашими глазами съ нѣмой простотой; степь кругомъ, даль въ туманѣ, тутъ и тамъ кибитки киргизовъ. Зарозовѣлъ, заалѣлъ востокъ, и вдругъ выкатилось изъ-за горизонта яркое солнце; взблеснули лучи, обѣжали ближайшіе и дальніе предметы; все заиграло при утреннемъ свѣтѣ, затѣмъ засіяло спокойно и радостно